

0123456789

БОЕВЫЕ ДЕВЧОНКИ

ДЕМОН БИАФРЫ

С 1 2 3 4 5 6 7 8 9

С 1 2 3 4 5 6 7 8 9

0123456789

Точи Онибучи

Точи Онибучи
Боевые девчонки

«Альпина Диджитал»

2019

УДК 821.111 (73)-312.9-93
ББК 84 (7С0Е=432.1)

Онибучи Т.

Боевые девчонки / Т. Онибучи — «Альпина Диджитал», 2019

ISBN 978-5-96-144241-0

В 2172 году большая часть Земли непригодна для жизни. Мир уничтожен радиацией, изменения климата столь катастрофичны, что люди перебираются в космические колонии. Между Нигерией и Республикой Биафрой идет жестокая война, в которой задействованы смертоносные мЕхи, а солдаты получают искусственные органы и бионические конечности, чтобы выжить. В лагере Боевых девчонок растет маленькая Айфи, которую Онайи – старшая из девочек – когда-то подобрала в разрушенном войной поселке. Айфи понятия не имеет, кто она и почему так непохожа на остальных, пока однажды не оказывается в плену у врага. После отчаянной борьбы Онайи решает, что Айфи мертва. Вне себя от горя, она становится бескомпромиссным, неудержимым воином, о котором ходят легенды. Но спустя годы жизнь преподносит ей страшный сюрприз...

УДК 821.111 (73)-312.9-93
ББК 84 (7С0Е=432.1)

ISBN 978-5-96-144241-0

© Онибучи Т., 2019
© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Точи Онибучи

Боевые девчонки

Переводчик *Мария Троценко*

Редактор *Мария Брауде*

Главный редактор *Л. Богомаз*

Руководитель проекта *А. Маркелова*

Корректор *З. Скобелкина*

Компьютерная верстка *О. Макаренко*

Дизайн макета *З. Войцеховская*

Художник *Д. Труш*

© Tochi Onyebuchi, 2019

This edition published by arrangement with Razorbill, an imprint of Penguin Young Readers Group, a division of Penguin Random House LLC.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Часть I

Глава 1

Юго-восток Нигерии, апрель 2172

Утром Онайи первым делом отстегивает руку. Другие Боевые девчонки, лишившиеся рук или ног, спокойно спят без них, но Онайи никак не может привыкнуть: даже во сне ее преследует фантомная боль. Во сне руки и ноги целы, и она может бегать. Она бежит так быстро, что может убежать от любой погони. Она может держать винтовку и целиться. Она может ощупать лицо всеми пальцами. А потом – просыпается и пытается дотронуться до себя правой рукой, которой больше нет. Она так и не привыкла просыпаться и не ощущать свое тело целиком, поэтому всегда спит, прикрепив искусственную руку, несмотря на то что иногда случайно корежит протез, ударяясь им о кровать во сне. Несмотря на то, что хрупкие микро-схемы ржавеют от пота, когда ее мучают ночные кошмары. Несмотря на то, что каждое утро она просыпается с отпечатками металлических пластин на щеке. Вот почему она встает раньше всех в лагере. В утренней тишине она часами возится, выправляя и смазывая механизм. Она сидит возле кровати, и только отблески металла вспыхивают в темноте ее палатки в этот пред-рассветный час.

Айфи до сих пор спит.

На мгновение Онайи замирает и слушает, как она похрапывает. Снаружи уже доносятся голоса птиц, но пока не так громко: Онайи отчетливо слышит сонную мелодию Айфи. Два ровных, плавных всхрапа – и следом короткий икающий звук. Сны Онайи – сплошной мутный хаос, кровь, вопли и выстрелы. Льет сильный дождь, но никакой ливень не смоет слезы с ее лица. Айфи же спит безмятежно. Племенные шрамы на ее щеках – словно мягкие волны. Уголки губ слегка приподнимаются. Девочка жила мирной жизнью – почти всегда.

Онайи отсоединяет руку от блока питания и приставляет ее туда, где кончается плечо. После той давней битвы еще оставался обрубок руки, но врачам пришлось ампутировать ее совсем – из-за инфекции. Теперь на месте раны сеть из проводов, гнездо, похожее на розетку, к которой можно подключить механизм, и ничего больше. Из металлического разъема руки доносится гудение: наноботы вытягивают соединительную сеть, которая затем прикрепляет металл к ее плечу. Электрический разряд пробегает по телу – слабый укол тока, наподобие того, что случается, когда потрешь ноги о ковер и сразу возьмешься за дверную ручку. Теперь Онайи может сгибать пальцы. Пробует согнуть локоть, болтает рукой взад-вперед, вращает плечом, наконец потягивается, зевает изо всех сил и выходит из палатки.

После недавнего дождя мир кажется влажным и зеленым. На траве еще не высохла роса. Мокрые листья смотрят вниз с ветвей деревьев.

Налетает внезапный порыв ветра. Где-то вверху шумят моторы. Онайи поднимает голову и успевает увидеть воздушных мёхов – тяжелых человекоподобных роботов с бело-зелеными полосками на плечах. Они рассекают небо с пронзительным звуком – как раньше, как в прошлом году. К их массивному корпусу прикреплены наплечные пушки и ракетные двигатели. Самая современная навигационная система. Однако они до сих пор не нашли лагерь биафрийских повстанцев у себя под носом. Пока тут работают глушители сигнала и прячут это место от нигерийских властей, лагерь в безопасности. Правительственные вооруженные силы даже не видят повстанческий флаг, который развевается прямо под ними. Половинка желтого солнечного диска в нижней части голубого полотна. Золотые лучи сияют, словно молнии.

Онайи вытягивает свою настоящую руку и плечо из плоти и крови, выгибает спину и слушает, как щелкают позвонки. Встряхивается, расслабляя тело. На ней все еще компрессионный

бюстгальтер и спортивные шорты, в которых она спит. Воздух в Дельте тяжелый и влажный; одежда прилипла к коже. Но для утренней пробежки сойдет.

Она совершает свой обычный круг по лагерю. Сначала к его границе, мимо школы и ангара для автотел – места, где можно починить сломанную робототехнику, сделать руки или ноги. Здесь девчонки могут стать аугментами – обрести органы или конечности гораздо сильнее тех, с которыми родились. Иногда тут проводятся хирургические операции: кто-то получает новые глаза, кому-то останавливают внутримозговое кровоизлияние и собирают заново черепную коробку. Онаи знает, что многие насмеются над этим местом: вроде как люди идут туда людьми, а выходят – уже не совсем. Но те, кто косо смотрит на работавших там и получивших помощь, сами никогда не были на войне. Полуконечности становятся «полу» лишь потому, что человека пытаются сделать снова целым. Аугмент – это не уродство.

Она поворачивает налево и видит сад с фруктовыми деревьями. Позади сада – огород, заключенный в теплицу, такую большую, что там могут свободно прохаживаться несколько человек. С потолка свисают вращающиеся краны, запрограммированные на автоматический полив, по стенам – панели искусственного освещения. Они не всегда нужны, но, когда ночи становятся длинными – слишком длинными, – необходимо позаботиться об овощах, чтобы не остаться без пищи.

Двигаясь по спирали, она пробегает мимо столовой, обычно пустой в этот ранний час. Но сегодня Онаи замечает девушку в камуфляже. Та дремлет, опершись на винтовку. Куртка расстегнута и небрежно брошена на плечи. Это Чайк. Услышав шелест травы под ногами Онаи, Чайк просыпается и вытягивается струной. Просто чудо, что она тут же не направила винтовку на Онаи, – нервы у нее никуда. Придя в себя, Чайк расслабляется и принимает прежнюю позу.

Это всего лишь я, думает Онаи, всего лишь та, что башку тебе снесет, когда командир узнает, что ты спишь в карауле!

Онаи неторопливо пробегает мимо. Эти утренние пробежки – еще и дополнительное патрулирование, помощь дозорным. Пусть аванпост и скрыт от вражеских сканеров и радаров, но что может помешать бело-зеленым случайно попасть на их территорию? В свои пятнадцать Онаи – одна из самых старших в лагере. Младшим – некоторые даже не привыкли жить самостоятельно, а другие учатся заново быть людьми после звериной жизни в джунглях – трудно привыкать, трудно бодрствовать в дозоре, трудно фокусировать внимание на уроках и не кричать во сне. Иногда их ружья больше них самих. Но девчонки медленно превращаются в закаленных бойцов, на которых можно положиться во время атаки. Бойцов, с которыми Онаи была бы рада – и даже горда – сражаться бок о бок.

Маршрут приводит ее к тренировочным площадкам, где учатся обращению с оружием. Широкие тяжелые листья тропических деревьев скрывают девочек – сверху их не видно. Листья такая густая, что поглощает даже звуки пальбы, когда они стреляют в сторону берега.

Онаи уже на скале, внизу протянулся пляж. Здесь проводят и рукопашные бои, по расписанию, но в теплый сезон Онаи иногда прибегает сюда по утрам, взглянуть на девчонок, которые, сбросив одежду, загорают внизу, смеются и дурачатся. Глядя на них, она вспоминает, что многие – еще совсем дети. И солнце для них все еще доброе и ласковое. Некоторые пока ни разу не видели, как в чистом голубом небе в одно мгновение возникает дрон, чтобы сбросить бомбу на их дом. А кто-то и видел, но не слишком переживает. Такие всегда становятся хорошими бойцами. Отчаянными, но хорошими.

Вода утром, на таком расстоянии, кажется скорее черной, чем голубой. Онаи слышит слабые всплески волн, бьющихся о металл. Она знает, что маленькие пятнышки и силуэты вдоль горизонта – буровые вышки. Старые, заржавевшие, но все еще способные выкачивать богатства Дельты. Их богатство, их ресурсы. Прямо под ногами Онаи и дальше, под океанским дном, – залежи природных ископаемых. Вот за что нигерийцы убивают биафрийцев. Дня не

проходит, чтобы Онайи не думала о том, как бы взорвать буровые, смешав их с обломками кораллов. Говорят, что священное право на ископаемые минералы принадлежит народу игбо¹, благословленному Чукву – Высшей Сущностью, дающей энергию всему живому. Но для Онайи минералы – просто пыль. Да, важная, да, дающая власть, но – пыль, и ничего больше. Она никогда не была особо религиозной.

Нигерийские мехи, проносящиеся иногда над головой, и вышки – единственные для Онайи проблески внешнего мира. *Кроме нас и наших врагов там есть и другие люди.* Каждый раз, глядя на вышки, она целится в них из невидимого ружья своей настоящей рукой.

Она поворачивает назад и пробегает мимо ангара, где хранится мобильная экипировка. Ржавчина разъедает броню костюмов, они меньше, чем нигерийские мехи, со скрежетом рассекающие небо, и ближе по форме к человеческому телу. Онайи знает, что их деталям не хватает смазки. Но старые костюмы, оснащенные боеприпасами, приборами ночного видения и нейронной адаптационной системой, позволяют уцелеть. Есть еще и другие костюмы, скин-сьюты, – «вторая кожа». Тут все зависит от твоего возраста и размера. Они или обтягивают тебя так, что можно задохнуться, или болтаются, как чужие обноски, даже кнопка сжатия на запястье не помогает. Они – как еще один слой плоти, необходимый для вылазок за пределы лагеря, туда, где радиация настолько сильна, что кожа отслаивается почти моментально.

На ящиках с боеприпасами флуоресцентными голубыми чернилами нарисованы китайские иероглифы. Но девчонки знают и так, в каких хранятся пули 7,62 мм, а в каких – боеприпасы для наплечных пушек робокостюмов. Знают, где лежат патроны для винтовок, а где – ножи, на случай если кончатся патроны.

Этого контрабандного оружия, кажется, всегда было мало. Но сироты никогда не крадут столько хлеба, чтобы хватило на пир, всегда – только на день.

Онайи приближается к Обелиску. Искры, летящие от постамента, видны раньше, чем она добежит до него. Выглядит так, будто там установлена мини-вышка, буровая для добычи ископаемых, хотя и микроскопического размера. Под ногами Онайи, через весь лагерь и даже за его пределами, проложены оптоволоконные кабели, от которых земля постоянно гудит, по почве идут разряды, чтобы высвободить воду, которую она впитала. Затем воду очищают, и она становится пригодной для питья, приготовления пищи и других нужд. Кроме того, здесь добывают минералы, благодаря которым работают почти все электронные устройства в лагере.

Однако сегодня что-то не так.

Онайи опускается перед постаментом на корточки и видит почерневший, обугленный участок, кончающийся там, где кабель уходит в траву. Кабели прокладывала не она, но налаживать и ремонтировать ей приходилось самые разные вещи.

Прищурившись, она долго смотрит на повреждения, пока легкое движение воздуха не отвлекает ее. Возле нее внезапно появляется долговязая, с виду нескладная Чинел. И как-то же она умудряется двигаться бесшумно. Ни капли неуклюжести, напротив – удивительная грациозность в каждом движении. Онайи помнит, как увидела Чинел впервые – высокую даже в детстве, – но такой удивительной пластики ей прежде не встречалось. Вся в саже, пепле, перемазанная кровью, Чинел выступала с уверенностью генерала.

Теперь на Чинел компрессионный лиф камуфляжной расцветки и штаны с множеством глубоких карманов. Волосы убраны под зеленую узорчатую бандану. Старомодные «сотовые телефоны» – реликвия прошлой эпохи – подвешены на ее ожерелье и брякают друг о друга. Звук не очень-то нравится Онайи.

– Хочешь, чтобы у нас воды отошли, да? – острит Чинел.

¹ Игбо (иначе – ибо) – один из народов, населяющих Нигерию (в основном юго-восточную). Также игбо – язык, на котором говорит этот народ.

Черный юмор. Ее вечные грубоватые шуточки, мол, здешние девчонки – понятно почему – не из того сделаны, чтобы рожать детей. Онаи когда-то слышала: если отходят воды, значит, скоро родишь.

Но сейчас, глядя на Чинел, на то, как блестит ее кожа от ночного пота и утренней росы, Онаи видит девчонку, которой только дай посмеяться.

– Давай быстрее, а то мы так вонять станем, что бело-зеленые нас учуют, – парирует Онаи с усмешкой.

Чинел ухмыляется, и пчелы вылетают из ее волос. Крошечные роботы-насекомые сообщают Чинел температуру и влажность воздуха, а также уровень радиации в каждой капле дождя, которая падает с листвы деревьев над головой. Приносят данные о температуре тела Онаи и состоянии ее протеза. Пока Онаи наблюдает, пчелы спускаются к колодезю, чтобы сказать Чинел, что нужно исправить. Затем они приступают к работе.

Онаи все еще в боевой готовности. Чинел сидит в траве, пока роботпчелы выполняют свою задачу.

– Надо пробежаться и проверить, – говорит Чинел самым будничным тоном, будто предлагает пойти поплавать. Ее аугменты у нее внутри. Черепная коробка, передача данных напрямую в мозг, металл вместо многих костей. Внешне же она ничем не отличается от обычного человека, а внутри тикают и мурлычут идеально настроенные механизмы. Но хотя ее тело способно самостоятельно подключаться к лагерной сети, она все равно больше человек, чем машина. В оцифрованном теле бежит настоящая кровь.

– И что мы там такого найдем в лесу, чего нет здесь? – Онаи уставилась на колодезь, наблюдая, как солнечный свет ползет по обугленной части проводки.

– Вот именно. Никогда не знаешь. У нас заржавели инструменты, нам нужны боеприпасы, а еще на днях в теплице перегорела лампочка. Ночи сейчас длиннее, генераторы не справятся.

Онаи хочет сказать Чинел, что они тут со всем справлялись годами, что все у них получалось даже с меньшими ресурсами, но этот разговор повторялся уже миллион раз.

– А что, если на бело-зеленых наткнемся?

Чинел толкает Онаи локтем:

– Они нас до сих пор не нашли. С чего бы им найти именно сейчас?

– Потому что мы все не мылись неделю. – Онаи пытается сохранить невозмутимое лицо, но улыбка кривит ее губы, и, не в силах сдержаться, она хохочет так, что среди деревьев разносится гулкое эхо.

Чинел катается по влажной траве, схватившись за живот, а пчелы тем временем возвращаются в ее волосы. Онаи хочет сказать, что надо быть потише, пока они не привлекли внимание нигерийских патрулей, оказавшихся поблизости. Но смех Чинел согревает ее.

– Дай хоть попрощаться с малышкой, – говорит Онаи, рывком встает и тянет Чинел, поднимая ее на ноги.

– Может, прокладки найдем. – Чинел осматривает отремонтированный колодезь. – Девчонкам они пригодятся.

Сколько же лет прошло? До сих пор Онаи умиляется каждый раз, когда видит, как мирно спит Айфи. Старое грубое одеяло поднимается и опускается, поднимается и опускается. Иногда Онаи хочется, чтобы у них обеих на шее были специальные разъемы, такие круглые розетки, как на конечностях, чтобы она могла подключиться к Айфи и посмотреть, какие сны видит маленькая девочка. Может быть, танцует на прохладном ветру в красивом платье. И никаких moskitov в воздухе.

Шаркая ногами, Онаи идет на сторону Айфи. Внутри палатки все еще царит голубизна не до конца наступившего утра. Айфи, конечно, будет протестовать против раннего подъема – до уроков еще далеко, – но ничего страшного, если она помаленьку начнет приучаться к такому режиму. Онаи садится на деревянный ящик возле кровати Айфи и мягко трясет ее за плечи.

Девочка приоткрывает глаза совсем чуть-чуть, потом широко распахивает их на секунду. Даже в темноте Онайи видит фиолетовую радужку ее глаз с осколками золота, и у нее перехватывает дыхание от красоты.

– Привет, малышка, – шепчет Онайи.

Чинел ждет у входа в палатку, и Онайи чувствует ее нетерпение, но она решила как можно больше времени проводить с Айфи. Идет война, никогда наперед не знаешь, что случится. Потерять человека, которого любишь, ничего не стоит. Воспоминания о тех днях, когда она была ребенком-солдатом, все еще свежи в памяти. Слишком свежи. Несколько долгих секунд Онайи гладит Айфи по безволосой голове, пока та не отворачивается, натянув на себя одеяло.

– Эй. – Онайи трясет ее, на этот раз более настойчиво.

– Еще рано, – хнычет Айфи.

– Мне нужно на разведку.

Услышав это, Айфи поворачивается. Она учится быть жесткой, Онайи видит это, но видит и мольбу в фиолетовых с золотом глазах.

– Нам нужно пополнить запасы. Со мной Чинел, так что не волнуйся. Я не одна. Энаймака побудет с тобой.

– Пока я что буду делать?

Онайи хмурится. *Язвишь, Айфи?*

– Пока ты будешь заниматься. – Онайи достает с полки планшет и включает. Экран мигает, и Онайи хлопает планшетом по колену, чересчур сильно – свет экрана вдруг освещает все их жилище.

– Но, Онайи, у меня и так отличные оценки. Дай поспать!

– Хорошо. – Онайи кладет планшет на тумбочку рядом с кроватью. – Не занимайся. А в классе не слушай учителя, если хочешь. Не обращай внимания вообще. Включи планшет и играй в игры. Болтай. Бла-бла-бла-бла. – Она повышает голос: – Но, если вернешься в палатку с результатом ниже самого лучшего, – она делает драматическую паузу, – мы посмотрим.

Айфи еще чуть-чуть нежится под одеялом напоследок, потом сбрасывает его и машет ногами.

Онайи встает и отворачивается, прежде чем Айфи увидит ее улыбку. Чинел подавляет смех.

Отключенная Энаймака стоит в углу ссутулившись. Если бы кто-нибудь захотел проявить к ней великодушие, то сказал бы, что разноцветная броня придает ей индивидуальность. Поблекший фиолетовый металл одного предплечья, местами проржавевшая оранжевая пластина вместо одной груди, мозаика из зеленых, красных, желтых, оранжевых и голубых проводов, заменяющих ребра. Ей бы сказали, что это похоже на красивое платье, просто буйство красок. На самом деле она просто дроид, сделанный из всего, что Онайи и другие девчонки притащили из прошлых вылазок или подобрали после стычек с бело-зелеными. Металлические пластины ее ног заржавели на стыках. Глазницы потемнели от копоти. Спина поросла мхом, где-то на теле проглядывает плесень.

Онайи встает на цыпочки, глубоко вдыхает, чтобы открыть камеры и клапаны в своих искусственных органах, и вдувает в ухо Энаймаке слизистую струю наноботов. Когда Айфи спрашивала, как ожила Энаймака, Чинел шутила, что это все Онайи: она вроде роутера с беспроводной связью для дроида. Глаза Энаймаки оживают, механизмы начинают гудеть, она выпрямляется, расправляет плечи и сканирует комнату.

– Присматривай за ней, пока меня нет, – приказывает Онайи.

– Хорошо, мама, – отвечает Энаймака.

Пока она заряжается, ее голос двойится. Она подходит к Айфи:

– Ну, малышка. Давай делать математику. – Энаймака произносит это в точности как Онайи. Так ей спокойнее.

У входа в палатку Онайи берет рюкзак и взвешивает винтовку в руке-протезе.

– И не забудь, что ее надо побрить, – обернувшись, кричит она. – Наголо. Чтоб ни одной волосинки на голове! Скоро пекло настанет.

С этими словами Онайи выходит в прохладу утра.

Глава 2

Подождав, пока Онайи уйдет из палатки, Айфи лезет под подушку и шарит там в поисках своего Акцента. Крошечная техническая штучка размером с ватный шарик от палочки для ушей, Акцент прячется в складке простыни. Найдя его, Айфи улыбается. Энаймака нависает над ней, и Айфи инстинктивно отворачивается, возясь с Акцентом, потом вставляет его себе в ухо.

Темнота в палатке рассеивается. Отпадает, как кожура гнилого фрукта, обнажая ряды линий и узлов сетевого подключения, связывающего все и всех. Сквозь подушку прорастает вереница пульсирующих голубых точек. Металлические кронштейны, поддерживающие крышу, сверкают аквамариновыми полосками. Энаймака превращается в чашу векторов и узлов. Айфи видит ее изнутри, видит, как крутятся механизмы и как монотонно гудит ядро у нее в голове. Она видит, что ее движения обеспечиваются беспроводным подключением к Терминалу, от которого работает весь лагерь. Заржавевшие части Энаймаки светятся красноватым, что беспокоит Айфи, но от остального корпуса исходит здоровая синева. С Акцентом Айфи видит все. Все, что происходит в закрытой сети лагеря. Все данные. Яркие, как океанская вода под лучами солнца.

– Не забудь, Энаймака. Ты обещала не рассказывать Онайи, – говорит Айфи, хмурясь на свою робоняню со всей строгостью, на какую способна. Онайи запретила ей трогать любую технику, которая может повлиять на соединение. После того, как связь у Онайи на разведке оборвалась второй раз, она чуть не поколотила ее, опомнилась в последний момент. Что-то в ее глазах менялось. В ярости взгляд затуманивался, и Айфи знала: сейчас разразится гроза. Но тут вдруг взгляд прояснился, и она устроила ей только словесную взбучку.

Айфи не хотела специально идти против воли Онайи, но, когда пыталась узнать что-нибудь про их жизнь, все оставалось загадкой. Сплошные вопросы. А если вставить в ухо Акцент, мир вокруг взрывается ответами. Почти любую технику, любую деталь и даже ни к чему не подключенные предметы вроде кровати, подушки и биомассы, которую разведчики приносят для приготовления пищи, – все это Акцент объяснял ей самым доступным образом. И теперь она не просто валяет дурака, пытаясь хакнуть коммуникационные девайсы Чинел или подсоединиться к Обелиску, который добывает особые минералы из земли, чтобы обеспечивать лагерь электроэнергией. Она наблюдает. Исследует. Качается на волнах соединений. Акцент позволяет ей говорить с Энаймакой, не произнося ни слова.

Она помнит, где находится, и знает, что Онайи, вероятно, все еще близко и может чувствовать ее, поэтому двигает челюстью, чтобы отключить Акцент. Напялив рубашку, на вид и на осязание больше похожую на холщовый мешок, чем на обычную человеческую одежду, она усаживается на ящик перед зеркалом. Или, скорее, перед осколком зеркала.

Окей, Энаймака, весело говорит она через Акцент. Я готова.

У нее совсем немного волос на голове. Крошечный слой серебристого пуха. Но и этого достаточно, чтобы голова в жаркое время года чесалась. Поэтому она сидит почти неподвижно, пока Энаймака аккуратно водит бритвой по ее макушке. После каждого движения Энаймака сбрызгивает блестящую кожу каплей спирта. Айфи морщится. Иногда Энаймака не так безупречна, как хотелось бы, и от бритвы остается пара порезов, которые приходится заклеивать пластырем, а потом выслушивать насмешки ровесниц.

– Ой!

– Тебе не следовало двигаться! – Энаймака говорит своим полумеханическим голосом. – Мои рефлексy работают не настолько быстро, чтобы я успевала реагировать на твое ерзанье.

Опять я виновата, думает Айфи.

– Ага, ну все, хватит, – говорит она, не давая Энаймаке осмотреть ее. – Подождешь снаружи в этот раз, когда придем в школу, хорошо? – Что-то особенное есть сегодня в ее голосе. Когда Акцент нашелся, все было здорово, но сейчас хорошее настроение улетучилось.

К тому времени, как она берет планшет и рюкзак, дневной свет уже проникает в щель у выхода палатки. Она опаздывает в школу. Опять.

Похоже, сломался охладитель: они убрали крышу склада, где проводятся занятия. Айфи прокрадывается через заднюю дверь, но, конечно же, единственное свободное место в классе – в первом ряду. Молнией мелькает мысль вернуться и пропустить сегодня уроки, но Энаймака у бокового выхода загораживает путь к отступлению. Остается только пригнуться, быстро прошмыгнуть и сесть.

Перед всеми планшеты, на экранах голограммы, но Айфи не может рассмотреть, на какой они сейчас странице загруженного урока, приходится листать картинку за картинкой, страницу за страницей всякого бреда, пока ее голограмма не совпадает с остальными. Девчонки сбоку хихикают, и Айфи еще ниже пригибает голову. Искушение включить Акцент и узнать секреты каждой в классе очень сильно. Аугменты не удалили историю поиска, и она видит все сайты, которые они посещали, разглядывая едва одетых мальчиков и мужчин. Айфи все видит и одним движением челюсти могла бы их выдать, но Энаймака все еще стоит в дверях, и Онайи точно узнает обо всем. Айфи не боится, что старшая сестра побьет ее, она боится разочарования в ее глазах. И потому фокусирует внимание на голограмме – это 3D-проекция параболы на графике.

Учитель объясняет азы алгебры, ничего полезного. Не то что орбитальная физика в древних учебниках и на заархивированных сайтах, которые Айфи изучает самостоятельно.

Она стискивает зубы, и внезапно мир вокруг вспыхивает синим светом. На какое-то тревожное мгновение Айфи видит все механизмы и провода внутри учителя и чувствует, как информация с чужих планшетов проносится через ее мозг. Она чувствует тоску Энаймаки, а где-то далеко-далеко, на периферии видения, появляется знакомый сигнал: Онайи. Она сжимает челюсти так быстро, что становится больно, и выключает Акцент. Оглядывается по сторонам – не заметил ли кто теневой сигнал на своих устройствах, может, у кого-то мигнул или завис экран, или произошел сбой в оцифрованном теле. Кажется, никто ничего не заметил. Она выдыхает и слушает, как учитель бубнит про то, что алгебра появилась в Биафре, как создал ее народ игбо и как знание было украдено племенем фулани², которое вторглось столетия назад с севера. Айфи интересно, каково было жить в те времена, когда люди были как звери, когда Нигерия только получила независимость и перестала быть британской колонией, когда игбо жили среди этих монстров фулани, о которых рассказывает учитель. Но она не успевает за собственной мыслью – у всех вибрируют планшеты, и сегодняшний урок окончен.

Девчонки выбегают из класса, хихикая, кто-то уже играет с планшетом, кто-то превращает его в плеер и слушает песни, которые они сами придумали и записали. Айфи бросает планшет в рюкзак и бредет к Энаймаке. Когда она поднимает руку, чтобы почесать макушку, что-то врзается в нее сзади и сбивает с ног. Энаймака скрипит от напряжения, пытаясь не дать ей упасть, но Айфи уже чувствует вкус грязи; оборачивается – над ней стоят несколько девчонок.

– Эге-ге, – говорит темноволосая, с двумя торчащими косичками. Гребни племенных шрамов блестят на ее щеках. – Без своей старшей сестры ты просто тощая ойнбо.

Остальные фыркают и пальцем показывают на кожу Айфи, более светлую, чем у них. Укусы москитов на ее коже краснее, и синяки заметны дольше. Она пытается спрятать под рубашкой свои голые руки. У нее кожа цвета песка, а у них – как земля. Она скрипит зубами.

² Фулани (иначе фула, фульбе) – один из народов, населяющих Нигерию и ряд других стран Западной Африки. Также фулани (фула) – язык, на котором говорит этот народ.

Включи Акцент, говорит она себе. *Хакни их. Взломай их систему*. И она могла бы. Пару секунд она представляет себе, как они визжат, планшеты взрываются у них в руках или короткое замыкание происходит в мозгу и они слепнут. Айфи рывком поднимается на ноги. Что бы она ни сделала с ними, это привлечет внимание Онайи и, главное, вызовет ее гнев. Поэтому она спускает все на тормозах – как всегда.

– Она похожа на испорченный рисовый джолоф³, – напевает другая обидчица.

Остальные не отстают:

– Может, она думает, мы ее жалеть должны, потому что у нее нет настоящей семьи.

Девчонка с косичками цедит сквозь зубы:

– Да она просто тощая коза, которую Онайи нашла в кустах.

Щеки Айфи пылают. Слезы подступают к глазам. Гнев совсем близко, его можно потрогать, и она должна побороть его. Но, если кто-нибудь из них толкнет ее, если они посмеют прикоснуться к ней, она даст себе волю. Она скажет Онайи, что у нее не было выбора, что она должна была защитить себя, что должна быть такой же сильной, как сестра. Вот почему они скоро будут корчиться на земле, не понимая, почему вдруг не могут видеть, слышать и ходить.

Но они вроде перебесились. Поворачиваются, чтобы уйти.

Напоследок одна берет камень и запускает Айфи в голову.

Айфи трясет. Она застыла на месте, кулаки сжаты, брови превратились в одну хмурую черту, из горла поднимается тихое рычание. Тень стоящей рядом Энаймаки возвращает ее в реальность, и она прерывисто вдыхает.

Андроид опускается на колени и подносит руку к лицу Айфи. Ладонь раскрывается и spryskivaet спиртом порез над глазом Айфи.

– Ай! – Айфи шлепает Энаймаку по руке. – Уйди от меня!

Тут-то и не получается больше сдерживать слезы. Она бежит, не разбирая дороги, не зная куда, лишь бы подальше от школы, подальше от лагеря, подальше от вечно нависающей над ней Энаймаки, подальше от девчонок, тыкающих ей, что она не такая, как все.

Когда лагеря больше не слышно, она останавливается. Та часть леса, куда она прибежала, кончается выступом обнаженной горной породы, под скалой – пляж. Зелено-голубые волны тихо перешептываются с берегом. Несколько глубоких вдохов и выдохов – и Айфи успокаивается. Шум в голове стихает, туман рассеивается. Она садится в траву, подтянув колени к груди, и смотрит вдаль. Буровые вышки как черные силуэты на горизонте. Она снова включает Акцент, и их контуры ярко светятся на фоне потемневшего багрового неба. Даже вражеские нигерийские мехи, парящие над вышками, светятся пульсирующим голубым светом. Они плывут по небу, рисуя расширяющиеся овальные узоры и оставляя следы, похожие на голубую звездную пыль в начале ночи, но Айфи знает: это просто запрограммированный маршрут. Определяет диапазон их коммуникаторов и понимает: и она, и лагерь для них недостижимы. Невидимы.

Она достает из сумки планшет и настраивает Акцент таким образом, чтобы подключиться к вражеской сети и получить доступ к урокам, которые тайком осваивает вне школы. Открывается заголовок: **ОРБИТАЛЬНАЯ ФИЗИКА**. Голограммы параболических кривых и Космических Колоний, медленно вращающихся вокруг своих осей, вырастают из текста. Она выбирает тему, на которой остановилась: точки Лагранжа и пространства между планетами и лунами, где гравитация обоих тел способна удерживать колонию на месте. Еще здесь есть мехи и небольшие маневренные реактивные самолеты, которые летают через пояса астероидов, ныряют, поднимаются, кружат. Но сколько ни приближай изображение, пилотов не разглядеть. Слишком плохое качество. Она знает, что они там. Знает, что в кабинах люди – может быть,

³ Джолоф – блюдо из риса, популярное в Нигерии и других странах Западной Африки.

женщины – такие, какой станет она, когда вырастет. Ее сердце бьется быстрее при одной мысли об этом.

Откуда-то появляется Энаймака и садится рядом.

Айфи ждет, что Энаймака отчитает ее за подключение к вражеской сети, за неповиновение Онайи и за использование Акцента, но та бросает взгляд на голограммы, встающие с экрана. Айфи улыбается ей и протягивает планшет, чтобы можно было рассмотреть получше.

– Ты уже очень хорошо понимаешь орбитальную физику, – говорит Энаймака голосом, который двойится и перекликается эхом. – А в классе не успеваешь по математике.

Айфи вырывает у нее планшет:

– Потому что алгебра в школе ужасно скучная. Все поверхностно, и они все время требуют показать мои работы. Поэтому у меня плохие оценки. Но в Америке тебя ценят за правильные ответы. Только так можно стать пилотом.

Айфи знает, что Энаймака не умеет улыбаться. У нее нет настоящего лица, нет губ, и глаза горят не от счастья. Свет сигнализирует, что ее батарея заряжена. Но Айфи смотрит на Энаймаку и чувствует, что та улыбается ей.

– Ты хочешь этого? Стать пилотом?

– Хочу больше всего на свете, – выдыхает Айфи.

Никогда раньше она не произносила это вслух, и сейчас кажется, что это даже опасно. А еще – похоже на обещание. Теперь, когда сказала, – точно должна сделать. И она найдет способ. Может быть, когда закончится война и Биафра будет свободной, они построят пусковую станцию, где-нибудь в Энугу или прямо здесь, где их лагерь, и со станции полетят шаттлы в дальний космос, и они присоединятся к остальному миру. Еще одна сверхдержава – как Америка – среди Космических Колоний.

Энаймака звенит. Это звонок внутри нее. Время приема пищи. У Айфи опускаются плечи. Но она тут же понимает, как голодна, – ела ли сегодня вообще что-нибудь?

– Если не хочешь быть в конце очереди, нужно возвращаться, – говорит Энаймака.

Они возвращаются через лес, Энаймака стоически молчит. Айфи смотрит на андроида снизу вверх:

– Когда Онайи будет читать твои логи, что я делала, куда ходила... не могла бы ты стереть ту часть, где мы пошли на пляж? Если она узнает, что я пропустила послеобеденные занятия... Я не хочу ее злить. И не хочу, чтобы она узнала про мой Акцент. Можешь? Пожалуйста.

Энаймака долго молчит. Кажется даже, что ей грустно. Она беззвучно отвечает Айфи через Акцент. *Ты просишь меня стереть то, что я видела и слышала, к чему прикасалась, данные, которые я собрала и добавила в свою суть.*

Стыд пронзает Айфи. Ее щеки горят. Энаймака иногда звучит так похоже на Онайи, что Айфи совершенно забывает: она во многом как ребенок. Она выясняет, как что устроено, накапливает опыт и организует все, что окружает ее. Учится.

– Считай, сделано, – говорит Энаймака и берет Айфи за руку. – Эта порция записей стерта.

Айфи сжимает механическую руку Энаймаки и подносит ее к щеке.

Андроид не сбивается с шага.

Глава 3

Если бы Онайи и Чинел запланировали разведку на раннее утро, им удалось бы избежать москитов. Но хотя бы комбинезоны немного от них защищают. Счетчики Гейгера на запястьях пищат, оповещая об уровне радиации. Растительность тем не менее сохранилась: мясистые листья деревьев, такие большие, будто мутировали; трава высокая, кое-где зеленая, кое-где желтая и коричневая.

Онайи еще не родилась, когда ойнбо начали воевать друг с другом, когда за океаном взорвался Биг-Биг и ветер разнес красные облака по всему континенту. Она еще не родилась, когда небо начало кровоточить. Но с детства она слышала разные истории. Истории про времена, когда города не были накрыты куполами, когда люди не сбегали с Земли в Космические Колонии, когда ойнбо – белые – еще не полетели к звездам и не построили Америку, Британию и Скандинавию, и другие места, где они – только они – могли спрятаться от того, что человеческая глупость сделала с планетой. Истории про времена, когда Биафра еще не объявила себя независимой. Когда еще не началась война.

А теперь вот земля в лесу, где они идут, завалена мусором. Пакеты из-под сока, клочки одежды, куски сломанной техники.

Чинел склоняется над какой-то кучей, отодвигает ветки, расчищает место ногой и вытаскивает древний смартфон, погребенный в завале. Держа винтовку в одной руке, она берет телефон другой, в перчатке, и сдувает радиоактивную пыль. Пыль облаком кружится перед ее защитным козырьком. Находка отправляется в карман – скоро она пополнит ожерелье из сломанных смартфонов, которое Чинел носит на шее.

В воздухе витает туман. Видимость почти нулевая. Но Чинел – настоящий аугмент, она все замечает. Уровень влажности в небе. Ямки и канавки на земле, слишком маленькие, чтобы Онайи могла их разглядеть. Тепловые метки, выдающие медведей агба и волков-мутантов с двумя головами и зубчатыми спинами.

Справа шелестят листья. Чинел предостерегающе поднимает руку, останавливая Онайи. Они пригибаются, прячась за кустом. Там кто-то есть. Чинел щурится. Онайи следит за ее взглядом.

Медленно из тумана появляется животное. Его кожа, розовая в солнечном свете, местами отликает мягким зеленым. У него видны ребра, но все четыре ноги толстые и мясистые. Волнистый мех вдоль позвоночника. Копыта утопают в грязи. Это шотгорн.

Будь с ними кто-нибудь еще, можно было бы попытаться поймать зверя, дотащить в лагерь, разделать и приготовить мясо. Но тут без стрельбы не обойтись, а так эта тварь может не накормить, а сама запросто убить их.

Шотгорн проходит мимо, поваленные стволы деревьев гнутся под его тяжестью. Москиты тянутся за ним – за его радиоактивной кровью.

Онайи и Чинел ждут, когда он совсем скроется из виду, и через несколько минут продолжают свой путь.

На небольшой прогалине множество следов человеческого присутствия. Сломанные коммуникаторы, обрывки одежды, потрепанные кроссовки. Люди покидали это место в спешке.

Неугомонная Чинел обследует выброшенную технику. Еще одно украшение на шею.

Онайи шипит на нее. Они здесь не для того, чтобы собирать побрякушки. Им нужно продовольствие.

Они идут в тишине, останавливаясь лишь на секунду, когда в воздухе раздается знакомый скрип. Мехи носятся в небе. Ветер раскачивает ветви деревьев над их головой. Онайи и Чинел не останавливаются, только пригибаются ниже, продолжая идти вперед.

– Никогда не подумают оставить хотя бы прокладок, – усмехается Чинел.

Онайи молчит несколько секунд, но все-таки спрашивает:

– Кто – не подумает?

– Беженцы, конечно. Или кто там оставляет весь этот мусор в лесу. – Чинел не смотрит под ноги, но как-то умудряется переступить через вывороченные корни упавшего дерева. – Одни пустые бутылки из-под «Фанты» да мобильники с ржавыми чипами.

– Ну, для ожерелья сойдет. – Онайи позволяет себе хихикнуть.

– Если нас найдут маленькие, мы хотя бы дадим им работу. У них будет новая жизнь. – Чинел продолжает исследовать лес, ритмично вертя головой вправо-влево. – Научим их, как ремонтировать всякие штуки.

– А если постарше?

Чинел пожимает плечами:

– Если женщины, отправим в Энугу. Или в Умуахиа. Пригодятся для чего-нибудь в Республике. Может, детей нарожают.

– А если мужчины?

Чинел усмехается:

– Пристрелим.

Обе хихикают. Хорошо в разведке с подругой. Чаще всего вылазки проходят в молчании. Быстро пробежались, нашли кое-какие припасы, вернулись обратно. А еще чаще: вышли, не нашли ничего, вернулись. Но когда Онайи с Чинел, можно расслабиться. Чем больше времени они проведут вместе, тем лучше.

– Я хочу когда-нибудь увидеть Порт-Харкорт, – говорит Онайи и сама себе удивляется. – Я слышала, там красиво. Он прямо на воде, и вышки не загораживают вид, и не слышно этого вечного скрежета. – Онайи улыбается. – А еще там есть настоящие больницы и даже женская клиника.

– А что нам тогда делать в этом Порт-Харкorte? – поддразнивает Чинел. – Раз там уже все есть. Что там строить?

– Биафру. – Онайи понимает, что это звучит чересчур романтично. Она бы и сама назвала такое глупостью. Верить во что-то столь призрачное и возвышенное, как Республика Биафра. Но когда она думает о Биафре, она представляет здания из стекла, камня и стали, подпирающие небо, и мощные улицы, и фрукты, которые можно есть прямо с деревьев. Она думает о месте, где нет ржавчины. Совсем. Где воздух не отравлен радиацией и не царапает легкие, когда дышишь. В этой мечте у нее настоящая кожа на руке, а не черная повязка, видя которую постоянно, не забудешь, что под ней металл, шестеренки и микросхемы. В этой мечте она даже может убедить себя, что там настоящие плоть, кровь, кости. В мечте о Биафре она – полностью человек.

– Стой.

Чинел преграждает путь как раз вовремя: Онайи чуть не наступила на мину. Онайи не видит красную лампочку, мигающую в грязи, но Чинел заметила ее. Если это не бело-зеленые, то, наверное, другая группа повстанцев.

Онайи злится на себя. Вот что случается, когда теряешь бдительность. Это, скорее всего, знак, что им пора возвращаться.

– Пойдем, – говорит Онайи. – Там уже ничего нет. Не сегодня.

Но Чинел не трогается с места. Она опускается так низко, что почти сидит на земле, вглядываясь куда-то. Потом машет рукой:

– Вон!

Онайи пытается разглядеть.

– Вон же!

Онайи шурится. Теперь она видит небольшое облако москитов.

– Что это?

Онайти роется в рюкзаке и достает оттуда пригоршню глины. Ито-ито.

– Что бы там ни было, оно еще теплое. Я посмотрю.

Она осторожно садится, чтобы не задеть мину, и лепит из белой глины что-то с ручками и ножками. Потом берет маленькую булавку и протыкает две дырочки в лице фигурки. Разворачивает ей конечности так, что теперь фигурка больше похожа на морскую звезду, чем на человека.

– Так нормально. – И сплевывает шарик слизи в намеченные на лице глазницы. Наноботы из слизи зарываются под оболочку ито-ито. Биомехи, содержащие ДНК Онайти, колонизируют глину, населяя ее частичками Онайти и оживляя. Глина становится продолжением Онайти, продолжением ее зрения. Как мобильное устройство, подсоединенное с помощью нейросети по беспроводному интернету.

Ручки и ножки фигуры шевелятся. Она вертится на ее ладони, как младенец, и светится изнутри голубым.

Онайти ставит ее на землю, похлопывает по спине, и фигурка ковыляет вперед, переваливаясь с ноги на ногу. Все, что она чувствует, видит и слышит, откликается в голове Онайти, звучит внутри как шепот.

Ито-ито направляется к насыпи, останавливается и наклоняет голову, осматривая ее. Вначале она видит только порванную одежду и кожу, потом находит волосы. Прикасается к ним, и волосы обвиваются вокруг ее белой руки. Она продолжает осматриваться и видит человека. Живого человека. Человек дышит.

– Она жива, – говорит Онайти и, прежде чем Чинел успевает помешать ей, встает и бежит к телу. Останавливается, сбрасывает рюкзак и выуживает оттуда складные алюминиевые носилки. Затем берет ито-ито и сжимает в руках. Фигурка издает мягкий жужжащий звук, почти выдох, и выключается. Онайти засовывает ее обратно в рюкзак.

Чинел секунду колеблется, а затем бросается помогать. Вместе они поднимают женщину. Онайти вздрагивает и смотрит через оптический прицел винтовки в лес. Что-то шевельнулось. Несколько секунд она наблюдает, хотя сквозь туман почти ничего не видно.

– Мы в безопасности. – Чинел кладет руку на плечо Онайти.

Онайти вешает винтовку на плечо, они берутся за носилки и идут назад к лагерю.

– Ты, похоже, становишься сентиментальной. Стареешь.

Онайти идет впереди, но спиной чувствует ухмылку Чинел.

– Да неужели?

– Год или два назад ты бы оставила ее тут умирать.

Глава 4

Только когда Энаймака и Айфи добираются до линии выкрашенных в голубой цвет камней в лесу, Айфи понимает, как далеко убежала от лагеря. Если включить Акцент, легко можно различить мины, прикрытые землей и ветками. Можно вычислить, где путь свободен, но она и так столько времени провела онлайн, что Онаии заподозрит неладное. Обходить все мины тоже слишком долго. Пока они сделают круг и вернуться в лагерь, еды не останется, а у Айфи в животе так урчит, что точно нельзя пропускать ужин.

Туман сгущается, и постепенно исчезают клочки земли, еще недавно все-таки различные. Сердце падает. Желудок сводит от голода.

– Давай, малышка! – Энаймака протягивает руку. У нее мутные глаза, и Айфи понимает: это потому, что у нее почти разряжена батарея. Но Айфи берет дроида за руку, и Энаймака сажает девочку себе на спину. Айфи крепко обнимает Энаймаку за шею.

Выверенным шагом, один за другим, Энаймака пробирается, казалось бы, по прямой, но Айфи знает: она совершает целый сложный танец, чтобы избежать ловушек, расставленных Боевыми девчонками для незваных гостей.

На краю леса, где уже почти начинается лагерь, комары гудят над чем-то, неподвижно лежащим в листьях. Энаймака останавливается, и Айфи хочет слезть с ее спины, но та удерживает девочку и прижимает к себе крепче.

– Энаймака, что это?

Несколько секунд Энаймака не двигается, а Айфи думает, не выключилась ли она окончательно, – это было бы совсем некстати, ведь Айфи окажется намертво приклеена к ее спине.

Но индикатор зажужжал – она все еще работает. Энаймака выпрямляется, но не ослабляет хватку.

– Двуносорог. Еще не умер, но уже отравлен воздухом. Бродил где-то здесь.

И тогда Айфи видит. Зверь лежит на боку, тело медленно поднимается и опускается, одна голова на другой, оба рта открыты – он задыхается. Туман словно специально рассеялся, чтобы открыть их глазам эту картину. Воспоминание промелькнуло перед Айфи.

Она еще маленькая, совсем ребенок. Под ней холодная земля, и она обнимает за шею какое-то животное, крепко прижавшись к его груди. Животному трудно дышать, оно давит на Айфи, и она плачет в его мохнатую грудь. Кто-то подстрелил зверя, которого она любит, и она держит его на руках, а за окном продолжаются стрельба и крики.

Она снова в реальности.

Прохладное плечо Энаймаки касается ее щеки, возвращая из воспоминаний. Влажный воздух охлаждает макушку. Она трясет головой.

– Поехали, Энаймака. – И Айфи тычет пятками ей под ребра, как в фильмах, которые она скачивала, наездники прищипывали лошадей. Энаймака изображает галоп на месте, и Айфи хихикает.

Ну вот они уже почти добрались до оружейного склада. Отсюда до столовой рукой подать, а там скоро ужин.

Между складом и столовой находится клиника. Айфи соскальзывает со спины Энаймаки, когда они уже близко. Целая толпа девушек собралась снаружи у палатки. Онаии иногда помогает женщинам и девочкам, которых спасли за пределами лагеря, или когда кто-нибудь подхватит инфекцию или мучается из-за ночных кошмаров. Хотя Айфи боится, что Онаии узнает про Акцент, она все равно улыбается при мысли, что сейчас увидит сестру, и бежит впереди Энаймаки ко входу в палатку. Она пробирается сквозь толпу, прислушиваясь, что говорят вокруг. Медсестра Ннека руководит группой других медсестер. Перед ними на столе лежит женщина,

лицо кривится от боли. Она стискивает свой живот. Айфи смотрит по сторонам и находит Онайи, та сидит на ящике у входа в палатку.

– Привет, малышка. – Она устало улыбается. – Как дела в школе?

Женщина на столе стонет. Айфи не отводит глаз: женщина в рваной одежде прижимает что-то к груди, и Айфи чувствует, как что-то невидимое давит и ей на грудь. Воспоминание о раненом животном, к которому она прижималась ребенком, захватило ее. Она стоит как вкопанная.

Звук щелчка выводит ее из оцепенения. Прямо перед ней лицо Онайи.

– Эй! – говорит Онайи. – А где Энаймака?

– Рядом, – отзывается дроид, неуклюже протискиваясь через толпу. – Как всегда.

Онайи поднимает голову и усмехается, словно хочет сказать: *Самая умная, что ли?*

– Хорошо. – Онайи встает с ящика. – Ну, пошли. Пора ужинать.

Втроем они направляются к выходу, но Айфи оборачивается и видит, что Онайи остановилась и смотрит под ноги. Руки сжаты в кулаки. Кажется, что она воюет сама с собой, пытаясь принять какое-то решение. Женщина на столе скулит от боли. Онайи запускает руку в мешок и достает кусочек глины. Ито-ито!

Онайи быстро лепит из глины ручки, ножки и голову с подобием лица. Поворачивается и несет фигурку женщине, которая на мгновение перестает извиваться и стонать, глядя в глаза Онайи.

Айфи видит, что Онайи не просто быть доброй, но каждый раз, когда сестру ведет любовь, она чувствует прилив гордости за нее.

Женщина хватается запястье Онайи и сжимает его.

Внутри Энаймаки звенит звонок, но звонок сбора к ужину уже прозвенел.

Приборы, к которым подключена женщина, начинают пищать.

Быстрее. Еще быстрее.

– О нет, – шепчет кто-то.

– Айфи! – кричит Онайи. – БЕГИ ОТСЮДА! ЭТО БОМ...

Глава 5

Мир постепенно возвращается к Онайи, все смазано, все как будто сквозь дымовую завесу. Звуки приглушены, формы размыты – вокруг просто плавающие цвета. Крики и взрывы звучат в отдалении, будто с другой стороны леса. Но боль. Боль прямо здесь. Она вопит в ее руках и ногах. Онайи дважды пытается хотя бы встать на колени, но не может. С третьей попытки ударяется головой обо что-то металлическое. Что-то черное и серое сыплется с ее волос. Она поворачивается и падает на спину – а перед ней падает обгоревший корпус Энаймаки. Она закрыла ее от взрыва, приняв на себя основной удар. От дроида почти ничего не осталось. Обгоревшие конечности и почерневший торс. Силуэт Энаймаки на фоне освещенной отблесками пламени медицинской палатки похож на мрачное безмолвное дерево.

Онайи высвобождается, шатаясь, поднимается на ноги и видит Айфи. Маленькая девочка, вся в грязи, лежит, прижавшись щекой к земле. Онайи, поскальзываясь, бросается к ней. Сосредоточенно осматривает тело, ищет раны, щупает пульс, проверяет, не сломаны ли руки и ноги, и качает ее голову в руках.

– Айфи, пожалуйста! – плачет Онайи. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Когда она снова открывает глаза, Айфи ошеломленно смотрит на нее, оглушенная, но очень живая.

Гремит гром, и обе смотрят вверх, следя взглядом за дугой, очерченной горящим мехом, плывущим по воздуху. Оставляя за собой дымный след, похожий на хвост кометы, он падает в лесу, так близко к лагерю, что удар отбрасывает Онайи на спину.

Раздается автоматная очередь. Катаката. Хаос.

Онайи сгребает Айфи в охапку. Девочка бормочет ей в ухо:

– Что происходит? Где Энаймака?

– Нас атаквали, – выдыхает Онайи на бегу к границе лагеря. По пути она перехватывает Чинел, ведущую небольшой отряд Боевых девчонок с оружейного склада.

– Чинел! Мехи.

Чинел кивает и отдает команду Чайк, одной из самых младших в отряде, – та салютует и ведет остальных в бой. Чинел бросается в другом направлении. Онайи бежит, вот уже позади Терминал, и склад экипировки, и теплица; наконец она прибегает к небольшому клочку заброшенной земли. Айфи выскальзывает из объятий Онайи, и та шарит по земле, ищет что-то, но не может найти. Выругавшись, начинает копать землю руками.

Айфи начинает ей помогать. Они роют вдвоем. Вдруг земля и ветки проваливаются, и перед ними появляется что-то вроде небольшой пещеры.

– Лезь. – Онайи толкает Айфи так сильно, что та чуть не падает.

Айфи еще не до конца спустилась, а Онайи начинает забрасывать дыру ветками, половыми досками и кусками металла. Ее правая рука искрит. Наверное, часть микросхем сгорела при взрыве.

– Нет, подожди, – говорит Айфи.

– Стоп! – приказывает Онайи таким голосом, какого сама у себя не слышала давно. Она хватает металлический лист, стиснув зубы, отрывает от него кусок и скручивает его, превращая в остроконечную дубинку. Бросает ее Айфи.

– Если кто-нибудь тут появится – кто угодно, – размахивайся и бей до тех пор, пока не убьешь.

Айфи даже не успевает ответить. Подтащив остатки стального листа, Онайи закрывает вход в пещеру и забрасывает его ветками, пока не убеждается, что это место не привлечет ничье внимание.

И уходит. Снова гремит гром, безостановочно стреляют минометы – вокруг лагеря и внутри. В воздухе колыхнутся столбы дыма. Кажется, что атакуют со всех сторон сразу. Она пробегает мимо школы к оружейному складу – там еще много боеприпасов. Она перекидывает полный патронташ через плечо, хватая мешок и набивает его двойными рожками по тридцать патронов. Девчонки рядом с ней тоже разбирают оружие и занимают позиции. Кто-то уже обрабатывает свежие раны. Одна сползла по стене, вытянув перед собой перевязанную ногу. Но времени помогать ей нет. Не сейчас, когда их атакуют. Она и стрелой мчится в лес. Почти сразу слышит шаги, припадает к земле, винтовка наготове. Но это Чинел и еще несколько девчонок постарше. Она и ничего не говорит, только кивает им, и они направляются в глубь леса, пока Чинел не поднимает руку – знак остановиться у дерева.

Одна из девочек вытягивает провод из разъема на затылке, бьет металлическим кулаком по дереву, открывает контрольную панель и подключается.

Земля со скрежетом разверзается под ними.

Здесь кабины. Кабины, подключенные к оружию, которым Она и не пользовалась очень давно. Кабины, подключенные к той жизни, что давно осталась в прошлом. Когда же Она и последний раз сидела в ибу-мехе?

Она и смотрит на шеренгу. Амака. Чигози. Кесанду. Обиома. Чинел. Она кивает, и все спрыгивают в открывшиеся кабины.

Экраны вокруг Она и светятся голубым. Когда воздух наполняется знакомым монотонным урчанием консоли, ей кажется, что она встретила старого друга. Мозг и каждая мышца ощущают знакомые запахи и звуки. Контрольная панель, переключатели передач, педали, пусковой механизм. Ее кабина. Ее.

Она снимает с плеча винтовку и патронташ, кладет их под ноги и вводит команды, приказывающие меху сделать первые шаги.

Толстые стекловолоконные провода тихо шипят, мехи отсоединяются от подземных портов, и платформа поднимает их. Сначала Она и видит на экране только землю, потом заросли слоновой травы, а потом – верхушки деревьев. И вот уже вокруг шумит ветер. С глухим стуком платформа возвращается на место.

Ряд свирепых машин, вооруженных наплечными пушками и пушками Гатлинга. У некоторых наготове массивные копья, мечи и дубины.

Она и активирует коммуникаторы и видит лица других девчонок в столбце голограмм на экране справа.

– Амака, готова, – говорит Амака.

– Чигози, онлайн, – откликается Чигози.

– Обиома, онлайн.

– Кесанду, онлайн. Сделаем это!

– Чинел, запускаю систему.

Она и устраивается удобнее. Напрягает плечи:

– Она и, на связи. – Сжимает переключатель скоростей. – Активирую двигатели.

Она так быстро взмывает в воздух, что ее вжимает в сиденье. Стягивает кожу на лице, по всему телу. Звенит каждая косточка. Зубы стучат. Ветки хлещут по стеклу. А потом – ничего, только небо. В одно мгновение исчезают все звуки, и чернильное покрывало над головой сверкает продетыми в него алмазами.

Активируется звуковая система, но все, что она слышит сейчас, это бум-бум-бум. Мех содрогается с каждым взрывом.

Остальные летят за ней, затем занимают свои позиции в небе.

– Амака. – Она и довольна жесткостью своего голоса. – Бери Кесанду и Обиому – будете охранять Обелиск. Если потеряем доступ к минералам, потеряем доступ к энергии. Чигози, охраняй школу. Чинел.

Молчание, затем голос Чинел, громкий и ясный:

– Давай-ка порубим этих бело-зеленых!

Когда строй распадается и каждый летит по своему заданию, Онаи позволяет себе улыбнуться. И тут же видит, что за Чигози мчится черный как ночь воздушный мех с нарисованным на нем бело-зеленым флагом.

– Чигози! – кричит Чинел.

Но нигерийский мех уже выпустил несколько снарядов из своей ручной пушки в спину Чигози. Ее мех кружится в воздухе по спирали. Онаи несется к врагу. Он настигает Чигози, и Онаи не удается догнать его. Он слишком быстр. Но она, рассекая воздух с такой скоростью, что все расплывается, мчится туда, где упадет Чигози.

Развернувшись лицом вверх, Онаи стреляет из наплечных пушек, когда мех Чигози проплывает над ней. Ракеты пролетают рядом с Чигози и врезаются во вражеский мех – в самую середину и в кабину. Взрыв сотрясает Онаи. Ее линия связи жужжит.

– Отличный выстрел! – Это Чигози.

Онаи включает экран заднего вида – поврежденный мех Чигози дымится, но еще вполне функционирует.

– Я в порядке, – говорит Чигози. – Я позабочусь о школе. – Ее мех зависает в воздухе, потом его двигатели выплевывают огонь, и она устремляется к зданию школы.

– Онаи! – кричит в коммуникаторе Чинел. – Я проголода-а-а-лась!

Онаи достает из-за спины титановую глефу и сжимает ее в руке. Вокруг тепло от двигателей. Ее мех стрелой вонзается в небо, и к ней возвращается то самое чувство. Вот оно. Вот чего она ждала. Катаката. Хаос.

Она подстерегает одного бело-зеленого, пронзает насквозь и стремительно улетает, не оставляя ему ни малейшего шанса подорвать ее. Мчась вперед, делает круг и срезает очередной вражеский мех, а затем уходит выше, уворачиваясь от ракет.

Онаи смотрит вниз на лагерь, по которому топают танки-крабы. Их башенные орудия стреляют по каждой постройке в зоне видимости. Онаи прицеливается и сносит верхушку у первого же танка, ракеты Чинел крушат другого краба. Онаи дает себе секунду, чтобы переориентироваться, и бросается на группу из четырех вражеских мехов. При ее приближении группа распадается.

Она вонзает глефу в ближайшего меха. Второй замахивается на нее гигантским молотом. Она пригибается. Молот обрушивается на третьего меха, и тот в неуправляемом штопоре несется к земле. Онаи подтаскивает меха глефой и глушит его молотом. Подтягивает ближе, чтобы использовать как щит против пушки Гатлинга, из которого обстреливает ее последний бело-зеленый. Вражеский мех на ее глефе вздрагивает и извивается с каждым залпом. Онаи выставляет свой новый щит и на полной скорости идет на таран последнего меха, быстрее и быстрее, пока не отпускает глефу, выключает задние двигатели, а передние переводит в режим зависания в полете. Еще ракетный залп из наплечных пушек, и два врага превращаются в огромный огненный шар.

– Помоги! – На экране Онаи прорывается голос Амаки. – У меня один на хвосте. Я не справлюсь!

Онаи видит их высоко в небе. Мех Амаки с пушками Гатлинга по бокам винтом уходит в небо. Бело-зеленый повторяет каждое ее движение. Онаи поднимается выше, к ним навстречу, и начинает погоню, то взмывая в облака, то ныряя вниз, к лагерю. Кружась и уворачиваясь от разрывающихся снарядов, Онаи пытается поймать в прицел врага, который несется между ней и Амакой. Он слишком быстр. Прицельная сетка не успевает сфокусироваться, как он смещается, ныряет или находит прикрытие. Тут Онаи видит, куда направляется Амака:

– Нет, Амака! Нет! Не надо в лес!

Деревья стоят слишком близко друг к другу. Амака запутается в ветвях и будет биться, как птица в сети.

Онайи разгоняет двигатели, но слышит какой-то разболтанный звук внутри своего меха. Он начинает разваливаться. Но ей непременно нужно подобраться ближе. Кабина дребезжит и стучит, и все же удастся отсоединить копьё. Она выдвигает его вперед. И целится.

Враг все дальше и дальше – и ближе к Амаке, которая гонит к лесу. Онайи мечтает, чтобы кабина перестала трястись. Все стихает. Все, что сейчас существует в мире, – перед ней на экране. Ее цель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.